

Д.А.ПРОХОРОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1920-1930-х гг.)

В 1920-1930-х гг., благодаря усилившемуся интересу к изучению истории крымских татар, отечественное востоковедение переживает период нового расцвета. Основываются различные научные общества, проводится обширная исследовательская работа по изучению археологических, этнографических и архивных материалов, публикуется большое количество научной и научно-популярной литературы.

Особенно важную роль для развития исторической науки сыграли научные общества и организации. Среди них, прежде всего, следует назвать Таврическую Ученую Архивную Комиссию, основанную еще в 1887 г. По ее инициативе 22 мая 1919 г. был организован Крымский Центральный Архив, а на должность заведующего определен заместитель председателя ТУАК Б.Д. Греков. В 1921 г. на базе собранных Комиссией коллекций создается Центральный Музей Тавриды и крымоведческая библиотека "Таврика" (1, с. 126). В 1923 г. ТУАК переименовывают в Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии (ТОИАЭ), в работе которого за почти десятилетний период (1923-1931 гг.) приняли участие такие историки и востоковеды, как А.Л. Бертье-Делагард, А.И. Маркевич, О.Акчокраклы, У.Боданинский, А.Е. Крымский, этнографы И.Ю. Крачковский и В.И. Филоненко, и многие другие ученые. Научные доклады, статьи и сообщения ТОИАЭ публиковались в "Известиях" общества, четыре тома которых было издано в 1927-1931 гг.

В 1921 г. в Москве создается Всероссийская (позже - Всесоюзная) Научная Ассоциация Востоковедения (ВНАВ), начавшая свою работу в январе 1922 г. Среди комиссий, входивших в ее состав, была и Комиссия по изучению Восточных культур Юга России, Крыма и Кавказа. Филиалы ВНАВ открывались во многих городах страны, в том числе и в Симферополе. Несколько позже Киевский филиал Ассоциации был реорганизован в самостоятельный Всеукраинский Центр Научного Востоковедения, а в начале 1926 г. ВУЦНАВ объединился с востоковедческой секцией Харьковского Научного Общества во Всеукраинскую Научную Ассоциацию Востоковедения с центром в Харькове и филиалами в Киеве и Одессе. Основной издательской деятельностью этих обществ являлся выпуск журналов "Новый Восток" (в Москве) и "Східний світ" (с 1930 г. - "Червоний світ"), издававшийся в Харькове.

В октябре 1922 г. по инициативе группы известных ученых и общественных деятелей в Москве состоялось учредительное собрание Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) (1, с. 127), а 20 мая 1923 г. было избрано его правление. В состав правления, помимо академика А.П. Павлова, профессоров А.А. Крубера, В.А. Обручева и других вошли: исследователь-востоковед, археолог, профессор А.С. Башкиров (занимавший должность ученого секретаря Центральной Комиссии по изучению татарской культуры) и археолог, этнограф, профессор И.Н. Бороздин, избранный в состав президиума ВНАВ (1, с. 127, 135). С 1924 по 1927 гг. создаются отделения РОПИК в Ленинграде и в Крыму (в частности, в Керчи, Симферополе, Судаке, Ялте, Феодосии и Джанкое), в работе которых активное участие принимали многие известные историки и востоковеды – А.И. Маркевич,

У.Боданинский, Б.А.Куфтин и др. С 1926 г. общество, принявшее новый устав, переименовывают в Общество по изучению Крыма (ОПИК). На протяжении пяти лет РОПИК-ОПИК выпускало общественно-научный и экскурсионный журнал "Крым"; кроме того, под его эгидой вышел ряд путеводителей по Крыму и большое количество научно-популярной литературы.

Помимо научно-исследовательской работы, выполнявшейся вышеперечисленными обществами, широкое поле деятельности открылось и перед местными краеведческими организациями. Крымским отделом по охране памятников искусства и старины был разработан план изучения татарской культуры. Бахчисарайский музей в соответствии с этим планом занимался исследованиями в области истории и быта татар периода Крымского ханства, их искусства и кустарной промышленности; Ялтинский музей посвятил свою работу этнографическим изысканиям среди южно-бережных татар, а Евпаторийский - среди степных (1, с. 137). Ялтинским краеведческим музеем издавались "Заметки музея краеведения", а Керченское и Феодосийское отделения ОПИК выпускали сборники статей по экономике и истории этих районов (1, с. 129).

В результате активной научно-исследовательской деятельности в 1920-1930-х гг. появилось большое количество работ, касающихся того или иного вопроса, связанного с историей Крымского ханства. Среди них необходимо, прежде всего, выделить труды С.В.Бахрушина (2), В.А.Вишневого (3), А.Е.Крымского (4; 5), Н.В.Горбаня (6), В.Пархоменко (7) и В.Е.Сыроечковского (8). В задачи настоящей статьи входит историографический обзор литературы по истории Крымского ханства, увидевшей свет в указанный период, а также выявление основных тенденций, преобладавших в работах отечественных историков.

В 1926 г. профессор И.Н.Бороздин писал: "Еще недавно признаком хорошего тона (на русификаторской подоплеке) считалось говорить о варварстве и некультурности татар - завоевателей, уничтоживших "все" и "вся". При этом явно тенденциозные письменные источники мало подвергались исторической критике, а памятники материальной культуры почти совсем не принимались в расчет" (9, с. 108). Ученый также подчеркнул, что наряду с археологическими исследованиями должна вестись как историческая, так и этнографическая работа; незаменимы и архивные изыскания (9, с. 110-111).

Первый всесоюзный Тюркологический съезд, состоявшийся в марте 1926 г., широко осветил проблемы, стоявшие перед отечественным востоковедением. На съезде были заслушаны доклады представителей научных обществ (в числе которых были и крымские ученые); подчеркивалась необходимость содействия дальнейшему культурному возрождению тюркских народов через развитие исторической науки. Выступивший на нем первый председатель ВНАВ, востоковед М.П.Павлович (М.П.Вельтман) отметил: "Царская политика в деле культурного развития угнетенных национальностей России представляла собой сплошное издевательство и глумление над их элементарными правами, направленное к тому, чтобы систематически вытраивать всякую возможность к сохранению и развитию своей родной культуры" (1, с. 139). А член ВНАВ, директор Бахчисарайского музея У.Боданинский указывал, что "... татары, как и всякое другое национальное меньшинство, изучены очень мало, несмотря на то, что более культурная нация жила бок о бок с националами" (10, с. 5).

В середине 1920-х гг. вышло в свет большое количество научных статей, очерков, заметок, посвященных этому вопросу. В 1921 г. публикуются статьи архитектора М.Я.Гинзбурга о традициях искусства и архитектуры в Крымском ханстве (11; 12); в этом же году появляется работа С.А.Козина (13). Целый ряд работ, связанных с этнографическими исследованиями Крыма, публикуется в 1923-1928 гг. Среди них - очерк

И.Ю.Крачковского (14), статьи Б.А.Куфтина по этнографии и антропологии южнобережных татар (15; 16), а также несколько статей, пересекавшихся с темой исследований указанных авторов (17; 18).

В 1920-1926 гг. активно функционируют научные общества востоковедов - на их заседаниях заслушиваются доклады, отчеты о проведенных археологических экспедициях, сообщения о проделанной работе на местах. В протоколах заседаний ТОИАЭ упоминаются доклады многих крымских и российских ученых, затрагивавших проблемы истории Крымского ханства. В 1920 г. А.Л.Бертье-Делагардом и С.Л.Белявской было подготовлено сообщение "Перевод сочинения Тунманна "Крымское государство" (19, с. 184); в 1922 г. - доклады Матвеевой о переводах сочинений Дюбуа де Монпере и леди Э.Крэйвен (19, с. 185). В 1924 г. были заслушаны доклады П.В.Никольского "Культурно-исторические экскурсии в Бахчисарай" и И.Ю.Маркона "Давид Лехно и его хроника Крымского ханства" (19, с. 185-186), а в следующем, 1925 г. - сообщение П.В.Нарциссова "Крым и Тульская защитная черта XVI-XVII вв." (19, с. 186). Следует отметить также и отдельные публикации, увидевшие свет в 1926-1929 гг.: статьи профессора А.С.Башкирова (20; 21), А.С.Башкирова и У.Боданинского (22), О.Акчокраклы (23; 24), а также ряд работ И.Н.Бороздина (25; 26), Б.Н.Засыпкина (27), В.Крачковской (28) и А.Носова (29).

Помимо археологических и этнографических трудов были изданы также статьи и монографии, посвященные непосредственно истории Крымского ханства. Свои исследования публикуют Б.П.Вологдин (30), А.Е.Мачанов (31) и Ф.Е.Петрунь (32). Проблемы, касавшиеся численности и состава населения в Крыму до и после присоединения его к России, получили освещение в работах А.И.Маркевича (33) и А.Озенбашлы (34). Стоит упомянуть и монографию Г.Газиза (Г.С.Губайдулина) "История татар", написанную в 1919 г. и потом дважды переиздававшуюся в Татарстане (в 1925 г. вышло последнее, отредактированное автором, издание этой книги, осуществленное Центральным издательством народов СССР). В этой работе рассматривалась история возникновения Казанского, Сибирского, Касимовского и Крымского ханства после распада Золотой Орды, а также вопросы политического сотрудничества между этими государственными образованиями и Московским государством. В 1994 г. "История татар" была переведена на русский язык и выпущена в Москве (35).

В 1936 г. по инициативе ТОИАЭ было предпринято переиздание труда немецкого ученого И.Э.Тунманна "Крымское ханство", написанное им в конце XVIII в. и входившее в "Большое землеописание Бюшинга" (1784 г.). Предисловие, примечания и приложения к новой редакции книги были подготовлены Н.Л.Эрнстом, председателем ТОИАЭ с апреля 1930 г. Работа И.Э.Тунманна вышла под рубрикой "История народов Крыма" в серии старинных путешествий и описаний полуострова (36). Не стоит обходить вниманием и различные научно-популярные издания, касавшиеся некоторых аспектов, связанных с историей Крыма, а в частности и Крымского ханства. Среди подобной литературы выделяются работы П.В.Никольского (37; 38), П.А.Никольского (39), В.Гордлевского (40), Д.С.Шнейдера (41) и С.А.Усова (42). Все эти работы содержат большое количество разнообразной информации о быте, традициях, искусстве крымских жителей, заслуживающей внимания исследователя.

К числу вышеперечисленных изданий следует отнести и вышедшую в 1930 г. первую часть "Хрестоматии по истории края" под редакцией П.В.Маслова, М.Е.Миллера и П.В.Никольского, включившую в себя, помимо статей В.Овсейчика и П.В.Никольского о Крымском ханстве, материалы крымских архивов и выдержки из сочинений В.Д.Смирнова, Ф.К.Хартахая, Ф.Ф.Лашкова, Г.Блюменфельда и др. (43). Хрестоматия предназначалась в качестве учебного пособия для трудовых школ, техникумов и экскурсантов.

В 1925 г. членами РОПИК был подготовлен к печати и издан обширный путеводитель по Крыму, в который вошли статьи А.С.Башкирова, Б.Ф.Добрынина, Д.М.Российского об истории, населении и климате полуострова, а также статья М.А.Волошина "Культура, искусство и памятники Крыма" (44), а в 1930 г. Крымским обществом естествоиспытателей и любителей природы был опубликован путеводитель "Крым" (45). Предисловие к нему подготовил профессор И.И.Пузанов, давший краткую характеристику политической и экономической жизни Крымского ханства с момента его возникновения и до конца XVIII в.

В 1930 г. под эгидой Научной Ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем издательством Коммунистического Университета Трудящихся Востока был выпущен в свет научно-популярный очерк В.А.Вишневого "Феодализм в Крымском ханстве", представлявший собой краткое учебное пособие, не претендовавшее на самостоятельное исследование. В основе своей работы В.А.Вишневский использовал материалы, собранные в трудах В.Д.Смирнова (46; 47), Ф.Ф.Лашкова (48-51), Г.Ф.Блюменфельда (52), а также опирался на выводы, сделанные в работах советских историков (31). Учебник В.А.Вишневого создавался не без влияния распространенной в те годы т.н. "теории торгового капитала" и многие факты из истории ханства объяснялись автором именно с этих позиций. Это касается, прежде всего, момента возникновения на территории Крыма татарского государства (3, с. 9), описания политического устройства Крымского ханства и объяснения его военной активности по отношению к соседним государствам (3, с. 17, 20). К числу достоинств книги В.А.Вишневого следует отнести тот факт, что наряду с "Хрестоматией" М.Е.Миллера, П.В.Маслова и П.В.Никольского, это было одно из первых учебных пособий по истории Крымского ханства, вышедших в 1920-1930-х гг.

В 1936 г. в журнале "История в школе" публикуется большая статья члена-корреспондента АН СССР, заведующего сектором истории СССР периода феодализма Института истории СССР, профессора С.В.Бахрушина "Основные моменты истории Крымского ханства", рассчитанная как на специалистов, так и на широкий круг читателей. Эта работа получила признание и у современников автора, и в последующие годы, т.к. она "... основана на широком привлечении разнообразных источников и по своему значению выходит далеко за пределы простого научно-популярного очерка" (53, с. 141). В описании различных периодов истории Крымского ханства для С.В.Бахрушина главным источником послужили работы дореволюционных исследователей - так, при рассмотрении аграрного строя крымских татар автор использовал труды Ф.Ф.Лашкова и В.Г.Тизенгаузена; политическая история ханства описывалась на основе сведений, собранных В.Д.Смирновым. Кроме работ перечисленных авторов, С.В.Бахрушин привлек материалы, содержащиеся в статьях Л.П.Колли (54; 55) и В.В.Вельяминова-Зернова (56).

Однако работу С.В.Бахрушина нельзя назвать компилятивной - помимо собственной оценки некоторых моментов истории ханства (пусть и не всегда верной с точки зрения современной науки) автор приводит обширные данные и факты, почерпнутые им из многочисленных источников. К числу таковых относятся записки различных путешественников, посетивших Крым в XV-XVIII вв. - М.Броневского, М.Литвина, барона де Тотта, Пейсонеля, П.С.Палласа и др. (2, с. 338). "Автор стремится познакомить читателя с конкретными историческими сведениями, ... которые и дают понимание непростого прошлого народов Крыма, а не служат иллюстрациями к гипотезам и догадкам" (57, с. 320); "... уметь живо, увлекательно, но не в ущерб исторической достоверности, излагать сложный ... материал" (57, с. 320), - все это отличает статью С.В.Бахрушина.

Заметный вклад в изучение этнических процессов, происходивших на полуострове с момента прихода туда татар в XIII в., внес академик А.Е.Крымский (4; 5; 58-60). В одной из глав своей монографии "История Туреччины", которая затем вошла в качестве отдельной

статьи в сборник "Студії з Криму" (А.Е.Крымский часто публиковал выдержки из своих трудов в различных изданиях - до или после того, как вышла основная работа (61, с. 9), автор дает краткую предысторию проникновения тюркских племен на территорию современной Украины. Пришлых тюрков в XIII в. на Руси стали называть "татарами", а их язык - "татарским", т.к. смешали понятие политическое с этнографическим (4, с. 12; 58, с. 14). "З того часу ... "татарами" ми називаємо саме тюрків, а не монголів" (58, с. 14, прим. 1). А.Е.Крымский выдвигал гипотезу и о существовании перед монгольским нашествием чисто тюркского племени, которое тоже называлось "татарами". По-видимому, золотоордынский тюркоязычный этнос, который включил в себя многочисленные этнические компоненты (в т.ч., и автохтонное крымское население), нуждался в объединительном имени. Таким именем, нейтральным как для монголов, кипчаков, болгар, аланов, так и для других народов, которые входили в состав Золотой Орды, стал этноним "татар" (62, с. 113).

Крымско-татарский этнос формировался в результате воздействия политического, этнокультурного и конфессионального характера: золотоордынские племена, проникавшие в Крым, сталкивались с довольно пестрой, в этническом отношении, ситуацией. Здесь проживали аланы, готы, половцы, итальянцы, евреи, греки и многие другие народы. Б.А.Куфтин писал, что "...события, предшествовавшие 1475 г., привели к тому, что все население Крыма оказалось в большей или меньшей степени отуреченным, хотя самой собой отуречивание Крыма началось задолго до монгольского нашествия" (16, с. 23). В качестве примера исследователь указывает на то, что "...гунны, оттеснившие готов в Южный Крым, говорили на языке турецком, а кыпчакское наречие ... образовалось из смешения языков команского (половецкого) с позднекочевническим" (16, с. 23-24). А.Е.Крымский замечал, что все эти тюркоязычные племена (гунны, авары, хазары, печенеги и половцы), заселявшие завоеванные земли, либо растворялись среди местного населения, либо уходили назад, в Азию (58, с. 14).

С приходом золотоордынцев на полуостров полной смены населения не произошло - в Северо-Западном Причерноморье и степном Крыму печенежско-половецкий этнос легко ассимилировался в среде завоевателей, попав к ним в подчинение (63, с. 217). С другой стороны, на пришлых кочевников заметное влияние оказало и крымское автохтонное население - близкое соседство с греками привело к тому, что южнобережные татары стали отличаться от основной массы соплеменников языковыми особенностями, антропологией и культурными традициями (16, с. 24-25). Впоследствии татары северных предгорий стали называть население южного берега (как христианское греко- и тюркоязычное, так и тюркоязычное мусульманское) "татами", а кочевавшие в степной части ханства ногайцы называли подобным этнонимом всех крымских татар (62, с. 114-115; 64, с. 452).

Первоначально золотоордынские кочевники занимали территорию степного Крыма, лишь изредка проникая в горные и предгорные районы. Об этом свидетельствует, по мнению В.И.Филоненко, отсутствие в горах татарских тамг и наличие их только в степной части (65, с. 4-5). Этому же мнению придерживался и О.Акчокраклы: "В горную часть Крыма тамги переносились из степной части вместе с приобретенными там животными и употреблялись здесь только для клеймения их в порядке подражания. На надгробных памятниках здесь и в центральной части Крыма эти знаки совсем не употреблялись" (66, с. 32-33). Однако, в результате продвижения татар вглубь полуострова часть их со временем ассимилировалась и осела на землях Южного берега.

Тем не менее, считать, что татары являлись исключительно пришлым кочевым этносом, который, испытывая воздействие местного земледельческого населения постепенно переходил к оседлости, также неверно. При рассмотрении этого вопроса

необходимо учитывать сложность характера формирования крымскотатарской общности - в ее состав входили как номадические тюркские, так и оседлоземельческие христианские компоненты.

А.Л.Бертъе-Делагард писал в 1920 г.: "Все основное христианское население не пришло, как армяне и итальянцы, перед турецким завоеванием ... было огречено, потеряв свою основную речь. Вероятно, именно поэтому его сопротивление чуждой культуре (крымско-татарской) оказалось ничтожным, завися от значительности внешних усилий, а не от внутренней духовной мощи, выражаемой прочностью языка и веры" (67, с. 10). В результате этих процессов крымско-татарский язык, по-видимому, стал языком межэтнического общения в ханстве (в частности, в торгово-административных центрах Крыма), при этом испытывая на себе сильное влияние языка турецкого.

Описывая момент появления татар в Крыму в XIII в., С.В.Бахрушин достаточно подробно обрисовывает их родовую организацию, основные занятия и быт, приводя цитаты из сочинений Михаила Литвина и Мартина Броневского. Главенствующей отраслью хозяйства в этот период, а также "... в XVI, и в XVII, и даже в XVIII вв., по крайней мере в степной части полуострова" (2, с. 320) у татар является скотоводство - "... богатство их заключается в конях, верблюдах, волах, коровах, козах, овцах; этим они и живут" (2, с. 320). Однако преобладание кочевого скотоводства не исключало наличия у татар земледелия. В.А.Вишневский и С.В.Бахрушин отмечали, что с XVI в. осуществлялся переход значительной массы населения к земледелию - вначале оно являлось лишь придатком скотоводства, а затем стало основным их занятием, "превращая татар в оседлых жителей" (2, с. 321; 3, с. 10). С.В.Бахрушин отмечал, что начиная с XVI в. Крым становится главной житницей Константинополя (2, с. 326): "Уже в XVI-XVII вв. татарская знать ... в целях коммерческих заводит крупное земледельческое хозяйство" (2, с. 326-327). Указание многих путешественников на то, что большая часть татар "не обрабатывает полей и не сеет хлеба", может быть объяснено лишь тем фактом, что в XVI-XVIII вв. татар, проживавших собственно в Крыму, часто отождествляли с ногайскими татарами, кочевывшими за пределами Крыма. С.В.Бахрушин полагал, что в XVIII в. крымские татары "уже перешли к оседлой жизни, и номадами (и то с известной оговоркой) остаются только ногаи, живущие к северу от перешейка" (2, с. 321). Историк писал, что, несмотря на "примитивность татарского земледелия, оно ... доставляло значительные излишки, которые и шли на экспорт в Константинополь" (2, с. 326). По сведениям, поступившим в 1783 г. главе "Крымского правительства" барону О.А.Игельструму, налог с собиравшегося с ханских земель урожая составлял 12000 четвертей, "... а если хороший урожай, то и 40000 четвертей собирали" (68, л. 18). Подчеркивая роль Крыма в деле снабжения Османской Порты зерном, С.В.Бахрушин упоминает специальный султанский фирман, запрещавший вывоз хлеба из ханства в каком-либо другом направлении, кроме Стамбула (2, с. 326).

Однако следует отметить, что в связи с ослаблением Османской империи в XVII в. подвоз зерна из Египта начинает давать сбои. Во время турецко-венецианской войны 1648-1669 г. Стамбул в течении трех лет (1655-1657 гг.) оставался блокированным с юга, и султан Мухаммед IV приказал везти хлеб из ханства. Однако, в 1657 г. в Крыму после суровой зимы и вынужденного военного бездействия свирепствовал голод - цена осьмины ржи на бахчисарайском рынке составляла 50, 60, 80 копеек и доходила до 1 рубля золотом (в пересчете на русские деньги) (69, с. 192), а в Стамбуле достигала невероятного даже по тем временам предела в 8-9 крымских золотых (3 рубля русскими) (69, с. 192). Опасаясь голода в собственных владениях, хан, вопреки фирману Мухаммеда IV, вывоз зерна запретил под страхом смертной казни, а когда из Стамбула пришли 15 галер за хлебом и

солью, крымский правитель приказал отгрузить только одну соль (69, с. 223; 70, с. 192). В 1645 г. султан запретил доставку хлеба из Турции в Крым в связи с тем, что флот был задействован в средиземноморской войне (118, с. 342, 418). О трудностях с продовольствием свидетельствует и тот факт, что крымский хан Мухаммед-Гирей I (1513-1553) просил московского царя Василия III разрешить крымским купцам закупать мед и хлеб в Путивле (71, с. 12).

Появление оседлых деревень у татар В.А.Вишневский связывает с энергичной хозяйственной деятельностью хана Сагиб-Гирея I (1532-1551) - он "прибежал порой к насильственным мерам, заставляя рубить у кочевников телеги, лишая их возможности передвигаться со своими семьями" (3, с. 11). С.В.Бахрушин, ссылаясь на турецких историков, так описывал хозяйственные нововведения Сагиб-Гирея I: "Жители Крыма не имели до него жилищ, а вели жизнь кочевую, переходя с места на место. Сагиб-Гирей приказал поломать телеги, служащие для переездов ... и назначил им постоянные места жительства, дав каждому достаточное количество земли и приказав строить дома и деревни на всем полуострове Крымском..." (2, с. 326). И далее С.В.Бахрушин отмечал, что деятельности хана турецкий автор приписал стихийный процесс, происходивший под давлением экономических причин (2, с. 326). При этом сам С.В.Бахрушин переоценивал значение экономического фактора в этом вопросе. Напротив, А.Е.Крымский, построивший свою статью о Крымском ханстве на истории правления ханов, среди наиболее выдающихся, по его мнению, правителей называл Девалет-Гирея I (1551-1557), Бора Газы-Гирея (1588-1608) и Сагиб-Гирея I, подчеркивая незаурядные качества последнего (4, с. 5-7). Недостатком работы А.Е.Крымского является крайне сжатое изложение материала и отсутствие анализа причин хозяйственной политики ханов, а также их взаимоотношений крымских правителей с Османской Портой. На наш взгляд, нельзя недооценивать оба фактора в данном вопросе - с одной стороны, причины экономического характера толкали ханов на подобные меры, с другой - без самих правителей какие-либо изменения хозяйственной жизни Крымского ханства были либо невозможны, либо осуществлялись медленно и бессистемно.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в Крымском ханстве за все время его существования наблюдалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, кочевое и оседлое земледелие позволяло татарам отправлять хлеб на экспорт; из крымских портов ежегодно уходило от 100 до 150 судов с пшеницей для Османской Порты (53, с. 144). О том, что хлеба хватало с излишком, свидетельствует и его дешевизна (2, с. 327). С другой стороны, в неурожайные годы в Крыму начинался настоящий голод - "длительные засухи, неурожай и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения" (72, с. 8; 118, с. 333, 342, 418). К тому же, ввоз зерна из соседних стран в Крым отличался нерегулярностью. Подобное положение дел нашло отражение и в трудах отечественных историков, посвященных этому вопросу, что дает нам возможность выделить в историографии проблемы два течения. К первой группе авторов, считавших, что к концу XVIII в. татарское общество завершило переход к оседлому земледелию и экономика Крымского ханства вполне могла себя обеспечить продуктами сельского хозяйства, следует отнести ученых 20-30-х гг.: В.А.Вишневского, С.В.Бахрушина, П.В.Никольского, В.Овсейчика, П.А.Никольского. Вторая группа ученых, полагавших, что ханство на протяжении всей своей истории испытывало постоянные проблемы с продовольствием и до 1783 г. кочевое скотоводство оставалось преобладающим звеном татарской экономики, включает в себя поколение историков более позднего периода (В.Е.Сыроечковский, А.А.Новосельский, А.Л.Якобсон, В.В.Каргалов, Г.А.Санин).

Еще одной проблемой, на которой стоит заострить внимание в рассматриваемом нами вопросе, следует назвать проблему работорговли и татарских набегов. К сожалению, литература по этому вопросу крайне ограничена – С.В.Бахрушин, А.В.Мачанов, В.А.Вишневский, П.В.Никольский лишь затрагивают эту тему, в основном ссылаясь на сочинения М.Литвина, Д.д'Асколли и других. Более подробно данный вопрос освещается в работах А.Е.Крымского. Последний так классифицировал полоняников, попадавших на невольничий рынок полуострова: "декого з рабів використувували тільки як худоб'ячу робочу силу ...на городах та в садах, на портових пристанях, спрягаючи їх укупі з правдивою худобою; ... кого вкидали на кораблі-"каторги"... Кращої долі могли сподіватися у Туреччині гарненькі й неслабосилі невольники-хлопці. З них виховували яничарів..." (58, с. 195-196). Две последние категории составляли евнухи для султанских гаремов и пленницы, особенно красивые - судьба последних "бувала в Туреччині найлагідніша" (58, с. 197-198). А.Е.Крымский отмечал, что дороже, чем украинки, были только черкешенки, которых продавали за 500 золотых карбованцев каждую (58, с. 199, прим. 1). Как и прочие авторы, историк опирается на данные источников, но, в отличие от трудов коллег-востоковедов, круг этих источников у А.Е.Крымского значительно шире – автор упоминает и сообщения турецких авторов (Садеддин) и ссылается на записки западноевропейских путешественников (Вольней) (58, с. 192, прим. 2). Однако существенным недостатком разработок советских историков является тот факт, что в них не получил освещение вопрос о численности угнанных с соседних территорий пленных, о количестве воинов в составе идущего в набег татарского войска, а также отсутствовала классификация самих набегов. Не рассматривалась также и проблема существования пленников в самом ханстве.

Относительно того, когда начались регулярные набеги татар на соседние территории, в литературе встречаются различные предположения. Так, например, А.И.Маркевич писал, что походы "... крымцев на Россию начались в XVI в., в княжение великого князя Василия Ивановича, и в этом веке... было около 20 больших набегов", не считая ежегодных мелких нападений "... на русские пограничные земли и воровство людей на границах и в степи" (73, с. 524). Большинство историков также придерживаются этого мнения. А.Е.Крымский отмечал, что "...перші п'ятдесят років свого існування Кримське ханство не було бичем для своїх христ'ян-сусідів, не так, як Туреччина" (58, с. 183), а эра систематических опустошительных набегов на украинские земли начинается спустя четыре года после прихода к власти Менгли-Гирея I (58, с. 183). Однако эта мысль, впоследствии часто повторявшаяся и в послевоенной литературе, требует уточнения. В сочинении П.Тафура встречается такая фраза: "Они (татары - Д.П.) воюют против соседних христиан, захватывают их в плен и продают в Кафе, особенно после смерти ... Витольда, который правил Литвой и Русью и был братом королевы Польши..." (74, с. 182-183). Этот факт может свидетельствовать о том, что в 1430 г. татарские войска уже грабили соседние земли, на которых проживало русское население (74, с. 183, прим. 24). Данное сообщение, в свою очередь, опровергает представление о том, что начало татарских нашествий на Украину и Русь следует связывать с османским завоеванием Крыма в 1475 г. Помимо вышеуказанного сообщения Перо Тафура о набеге татар в середине XV в., сохранились сведения о том, что в 1363 г. войско крымского эмира, отправившееся грабить литовские земли, было разбито недалеко от Буга у реки Синие Воды Великим литовским князем Ольгердом (75, с. 100). Эти факты также свидетельствуют о том, что походы татарских войск на соседние территории имели место и в XIV в., и в XV в.

Даже в XVI в., несмотря на то, что формально Крымское ханство являлось союзником польско-литовского государства (начало союзу было положено еще во времена Хаджи-Гирея), это не мешало татарам совершать грабительские набеги и на территорию

Подольского, Галицкого, Волынского и Киевского воеводств, принадлежавших Литве. Уже в 1480 г. Менгли-Гирей осуществил поход на польскую Подолию, захватив ясырь и "пограбив многие селения", а в 1489, 1494, 1499, 1500, 1502, 1508, 1509 и 1524 гг. подобные набеги повторялись и в отношении остальных воеводств (75, с. 120, 129). Хотя по соглашению 1507 г. между Менгли-Гиреем и Великим князем литовским Сигизмундом первый обязывался "... быти приятелю короля приятелем, а неприятелю неприятелем и вместе с людьми его милости короля польского и ... литовского Сигизмунда своими людьми и детьми вести на конь против всякого неприятеля, и подмогой быти на того неприятеля московского" (75, с. 125). Такая политика вообще была характерна для Крымского ханства – с русским и польско-литовским государством прочные и длительные союзы, как правило, не заключались. Это было на руку и Оттоманской Порте – частые набеги ханов там трактовались по-дипломатически выгодно, как стихийные и осуществленные без ведома султана.

О роли влияния политического протектората Османской империи над Крымским ханством в отечественной историографии также не существует единого мнения. В.Д.Смирнов, опираясь на данные турецких и крымских источников, делал вывод о том, что внешняя политика ханства являлась "отражением оттоманской политики", навязываемой Портой крымским ханам (46, с. 31). Концепцию В.Д.Смирнова приняли за основу дальнейших разработок и исследователи рассматриваемого нами периода. Так, А.Е.Крымский на страницах своей "Исторії Туреччини" прослеживает целый ряд событий, повлиявших на изменения во внешнеполитическом курсе Крымского ханства. В 1429 г. в Луцке состоялся съезд европейских монархов, на котором присутствовали: литовско-русский князь Витовт, польский король Ягайло, немецкий император Сигизмунд, король Дании Эрик VII, магистры прусский и ливонский, молдавский князь, папский легат и послы от Иоанна VIII Палеолога. Кроме того, принимал в нем участие и крымский хан из рода Гиреев (58, с. 52). А.Е.Крымский, опираясь на сообщения польского ксендза-политика XV в. Длугоша (1415-1480), называет крымского правителя "сторожем" украинской цивилизации, который "охороняє спокій українських земель" (58, с. 117, 183). Однако, как замечал сам А.Е.Крымский, ситуация коренным образом изменилась с приходом к власти Менгли-Гирея I и установлением над ханством османского протектората: "...то дотепер ... Крим - то вже грізна хмара для польско-литовської України" (58, с. 183). Автор отмечал лишь одного представителя династии Гиреев - Девлет-Гирей I (1551-1577) - который правил относительно независимо от Стамбула, однако в любой момент был готов "одіграти роль турецького "пса на сворі" (58, с. 158).

С.В.Бахрушин, вслед за В.Д.Смирновым и А.Е.Крымским, также придерживался мнения о довлеющем для Крыма характере турецко-крымских отношений, но при этом подход к данной проблеме у С.В.Бахрушина более дифференцирован. Автор отмечал, что ханство отражало в своей структуре те противоречия, благодаря которым и было образовано. С одной стороны, это стремление крымской феодальной знати создать независимое государство, а с другой - желание Турции укрепиться на торговых путях Причерноморья (2, с. 329). Недостаток подобного вывода заключается в том, что внешнеполитические амбиции Порты историк объясняет лишь торговыми и экономическими интересами, совершенно не учитывая политический фактор. С.В.Бахрушин пишет, что "фактически ханы были в полной зависимости от султана", а их "основной обязанностью была военная помощь, которой турки очень дорожили" (2, с. 329). Вместе с тем, автор приводит сведения, которые свидетельствуют об оказании некоторого давления со стороны наиболее влиятельных крымских правителей (Селим-Гирей, Гази-Гирей) на политику Стамбула (2, с. 329-330). Верным также является суждение

С.В.Бахрушина о негативном характере воздействия вассально-подданических отношений между Турцией и Крымским ханством в XV-XVIII вв.: "...своим постоянным вмешательством в дела Крыма султаны подрывали внутренние силы этого государства, обрекая его на жалкое прозябание" (2, с. 330). В.А.Вишневский и П.В.Никольский в своих работах политическое сотрудничество Бахчисарая и Стамбула определяли с тех же позиций. Несмотря на то, что Крымское ханство в числе вассалов Османской Порты стояло на первом месте (2, с. 329; 76, с. 42; 77, с. 52), хан "...не мог начать войны или заключить мир без согласия Порты, а обязан был по первому требованию султана являться вместе с войском" (3, с. 20). Но и С.В.Бахрушин, и В.А.Вишневский, и П.В.Никольский, а также А.Е.Крымский, отмечали факт слабости ханской власти по отношению к собственным беям и мурзам, которые являлись "настоящими хозяевами внутри ханства" - без их согласия "...хан ничего не мог предпринять: ни объявить войну, ни заключить мир, т.к. реальная сила была на ... стороне" беев (2, с. 331). С.В.Бахрушин и П.В.Никольский приводят свидетельство турецкого историка Фундуклулу, ярко иллюстрирующее взаимоотношения между ханом и знатью. В 1691 г. во время зимовки татарского войска за Дунаем, мурзы заявили калге-султану: "Пошли, Господи, бедствие на тебя и на отца твоего!!.. Какое нам дело до этой компании, чтобы заставляя нас здесь шляться и претерпевать разные бедствия?! Османлы ... ушли по своим краям... Твой отец уехал в Стамбул облизывать османские блюда - мы не желаем, чтобы он был больше ханом!!" (77, с. 52; 2, с. 329). Результатом подобных недовольств явились частые смены кандидатов на ханский престол: в течении XVII в. в Крыму сменилось 22 хана (70, с. 224); с 1736 по 1771 г. ханская власть 17 раз переходила из рук в руки (77, с. 52); а всего после смерти в 1515 г. Менгли-Гирея I и до конца XVIII в. крымская история насчитывает около 60-ти правителей (4, с. 7-8). Особых проблем у турецкого султана с инвеститурой не возникало: "В ожидании возможной милости добровольно или в изгнании при дворе всегда проживала куча царевичей из дома Гераев..." (2, с. 329). А.Е.Крымский заметил, что в XVI в. частая смена властителей не стала еще нормой, поэтому тогда еще остро не чувствовался "вред от этой системы" (4, с. 8).

Однако необходимо отметить, что политику Крыма по отношению к Порте следует рассматривать во всем комплексе взаимоотношений между Крымским ханством и странами Причерноморья, Россией, Польшей и Турцией. Во внешней политике Крыма всегда присутствовало две тенденции: одна была связана с выполнением вассальных обязательств перед Турцией, другая обуславливалась стремлением крымских властителей к большей самостоятельности по отношению к Порте. Особенно ярко вторая тенденция проявилась в XVII в., когда наблюдается довольно частое неприятие местными феодалами султанских ставленников на крымском престоле. Строптивость бахчисарайских властей выражалась и в открытом противоборстве ханов с турецкими султанами (бунт Мухаммед-Гирея II и Шагин-Гирея в 1624 г.), а также в прямом неповиновении татарских мурз военным приказам турок (увод мурзами в Крым части татарского войска в 1692 г. во время боевых действий на территории Венгрии) (70, с. 224; 75, с. 156).

Противоречивую оценку получили и взаимоотношения Крыма с северными соседями - Россией, Украиной, Польшей и Литвой. Часто встречающаяся в трудах дореволюционных авторов мысль о том, что политика крымских ханов определялась следующим принципом: союз с теми, кто платит больше "поминок", и война с тем государством, которое платит их меньше и кого легче грабить (78, с. 211), переключалась и в литературу более позднего периода. Так, А.Е.Крымский сводит отношения ханства с другими государствами к следующему аспекту: "...головним чином для того, щоб вимогати поминки" (4, с. 6). Историк указывал, что после того, как на Украине началось восстание Б.Хмельницкого,

взаимоотношения ханов с казачеством неоднократно бывали весьма хорошими - это было выгодно Крымскому ханству, т.к. его казна богатела (4, с. 11). Схожую мысль о преобладании в действиях крымских политиков корыстолюбивых стремлений высказывал и Г.Газиз: "Продажные ханы могли продать страну за шубы, одежду, золото, лакомства... Присланные из Москвы подарки определяли политику любого татарского ханства" (35, с. 104). Подобное мнение - признавать в действиях крымских правителей лишь элемент корыстолюбия, совершенно не учитывая политические устремления ханства по отношению к своим соседям - является крайне ошибочным. Одной из таких политических целей могла являться идея возрождения Золотой Орды под эгидой Гиреев - отсюда и трактовка «поминок» как дани и постоянные притязания на соседние территории.

Не меньше споров вызвала роль украинского казачества в истории взаимоотношения между христианскими государствами и Крымским ханством. Эта тема затрагивалась в трудах С.М.Соловьева, Д.Н.Бантыш-Каменского, Д.И.Эварницкого, Н.И.Костомарова, М.С.Грушевского, П.А.Кулиш. Военная активность казаков по отношению к туркам и татарам объяснялась тем, что казаки были, в первую очередь, идеологическими борцами с мусульманством. Однако А.Е.Крымский верно замечал, что вопрос веры для казачества XVI в. стоял далеко не на первом месте. А.Е.Крымский писал, что первые упоминания про казацкие "уходы" (места для охоты и рыбалки) датируются 1471 г. - "та, звичайно, про Січ не було тоді ще й помину, бо й козацтво ... ще тоді не сформувалося" (58, с. 186, прим. 2).

Тем не менее, историк, несмотря на весьма точную оценку причин походов казаков против ханства, не отказывал себе в некоторой художественности осмысления их образа. Так, ссылаясь на польских хронистов XVI в., он называет казаков "наследниками старокиевского богатырства", с его подвигами против степняков на былинных заставах и засеках (58, с. 185-186).

В 1920-1930-х гг., в связи с изменениями направлений в исторической науке, меняется и представление о казачестве. А.Е.Мачанов пишет, что казацкая вольница, превращенная еще при Иване IV "в аванпосты России" и представлявшая собой "нечто вроде барьера на ее южных окраинах", приобретает для русского правительства важное значение (31, с. 34). П.В.Никольский и А.Е.Мачанов называют казаков "орудием русской торговой буржуазии" (31, с. 35; 77, с. 49): "Враждебность стоявших за казаками двух правительств - русского и польского" привела к тому, что Польша оказалась помехой на пути к "...западным рынкам крепнувшему великорусскому торговому капиталу" (77, с. 50). А.Е.Мачанов указывал на то, что отношение русских властей к казачеству определялось обстановкой: если таковая "...складывалась в пользу России, казаков всячески поддерживали и награждали, если нет - казаков порицали и называли вольными людьми, ворующими без ведома государя" (31, с. 35). Автор приводит следующее подтверждение своей мысли: когда в 40-х гг. XVII в. запорожцами был захвачен Азов, московское правительство отправило в Стамбул посольство с заявлением о том, что принудит возвратить крепость туркам, и что "...хотя бы их всех - воров (т.е. казаков - Д.П.) - султан в один час велел побить, то царскому величеству будет не досадно, потому что они воры, беглые люди и живут в дальних местах воровским кочевым обычаем" (31, с. 35-36). Заметим, что в последующие годы в историографии роль казачества была вновь пересмотрена русско-крымско-турецкие отношения сводились к военному противостоянию, а казаки в этом противостоянии были форпостом, сдерживающим мусульманскую агрессию.

Однако, несмотря на то, что периоды столкновений между татарами и казаками были довольно продолжительными, необходимо отметить и факты как военного, так и мирного сотрудничества между ними. В качестве примера А.Е.Крымский приводит деятельность черкасско-каневского старосты Евстафия Дашкевича, который "...не раз разбивав татар,

так само не раз був поводитирем для татар у походах на Москву, пустошив московські землі ... та й щасливо приводив назад татарське військо, обтяжене великою здобиччю" (58, с. 186-187). Вопрос об освещении той роли, которую сыграли в украинско-османских отношениях в XVI-XVII вв. казацкие предводители (Д.Вишневецкий, П.Дорошенко, Б.Хмельницкий), мы сознательно обойдем стороной, т.к. он неоднократно поднимался в отечественной историографии; неоднозначной была и оценка действий упомянутых исторических лиц. Проблема эта заслуживает более детального исследования и выходит за рамки настоящей статьи. Однако заметим, что в 20-30-е гг. этот вопрос практически не освещался в историографии – исключение составляют, пожалуй, лишь работы А.Е.Крымского.

XVI в. ознаменовался не только совместными действиями татар и казаков и их набегами на Молдавию и Польшу; XVI в. - это и время казацких походов на Крымское ханство. А.Е.Крымский достаточно подробно описывает военные действия казаков против ханства в 1550-1580-х гг., когда Д.Вишневецкий на о.Хортица построил укрепленный замок и оттуда совершал набеги на татарские земли. В 1616 г. нападению войска гетмана Сагайдачного подверглись Кафа, Синоп и Трапезунд, а в 1667 г. две тысячи запорожских казаков кошевого Ивана Рога и две тысячи казаков Ивана Сирко вошли в Крым, разграбили многие татарские деревни в течении 10 дней и освободили несколько тысяч невольников (75, с. 141, 150). "Козацтво XVI в. являлося з одного боку протестом демоса проти панських порядків Польсько-Літовської держави, з другого боку – сомообороною проти татарського нестерпучого хижого наїздництва. Орда нападалася, брала в неволю, – і треба було якось ставити їй перепони. щоб вона не вилловлювала собі невольників з України", - писал А.Е.Крымский в 1924 году (58, с. 189-190). Несмотря на то, что периоды татарско-казачьих столкновений превосходили по продолжительности годы мирного сотрудничества, последнее все же имело место между двумя соседними народами. Н.В.Горбань, изучавший материалы архива коша Запорожской Сечи, относящиеся к XVIII в., указывал на наличие там документов, которые свидетельствуют о мирных (в первую очередь, экономических) контактах Крымского ханства с Сечью. Историк упоминает целый ряд такого рода документов: в них содержатся данные о взаимной помощи, оказывавшейся во время неурожаев, о разрешении татарским чабанам выпасать скот на запорожских землях, о хождении запорожских "наймитов" и бедноты на заработки в Крым и т.п. (6, с. 146). О хождении в Крым украинских работников (т.н. "агратов" и "ренджиперов") у Н.В.Горбаня в 1928 г. вышла отдельная статья, в которой он писал, что многие из запорожских жителей по несколько лет находились на полуострове, заводили там семьи, строили дома и пр. (79, с. 310-314).

В архиве также находились материалы, которые касались конфликтов в приграничных районах с ногайскими ордами. Подобные стычки разбирались на т.н. "комиссиях" (они состоялись в 1749, 1752 и 1754 гг.) - туда передавались "...екстракти претензій як одной, так і другої сторони, ...листи та скарги ханів, сераскерів ногайських орд, очаківського паши, розписки кримських депутатів про задоволення за пограбування, ...реєстри запорозьких претензій" (6, с. 146). Обширная информация о подобных конфликтах содержится в переписке коша с перекопским каймаканом и очаковским пашой: "Листування це відбиває взаємні сутички на прикордонній території, взаємні нападки та грабунки, руйнування зимовників, ...напади запорожців на ногайські табуни, чабанів татарських тощо. У цієї взаємній боротьбі велику участь бере як запорозька, так і татарська голота, тому що для неї напади на сусідню територію є звичайним добувничством" (6, с. 146). Это сообщение как нельзя более полно иллюстрирует взаимоотношения между ханством и казаками, снимая с последних ярлык «борцов с мусульманским агрессором за веру», которым они

были наделены в дореволюционных работах. Любопытен и тот факт, что на вышеупомянутых комиссиях (в частности, в 1749 г.) татары соглашались рассматривать только запорожские претензии, а не жалобы всех купцов из Украины (6, с. 146). Во время же русско-турецкой войны 1768-1774 гг. ханское правительство обращалось в посланиях к запорожским казакам с просьбой не участвовать в мятежах, поднятых ногайцами, и не принимать последних в Запорожской Сечи, а выдавать их татарским властям (6, с. 146).

Следует отметить, что в рассматриваемый нами этап развития отечественной историографии истории Крымского ханства еще не наблюдается той ярко выраженной тенденции подчеркивания различий между славянскими народами и представителями мусульманского мира (в частности, татарами), которая господствовала в трудах многих историков в последующие годы. Близкое соседство этих народов не могло не сказаться на их хозяйстве, быте и культуре. Современный украинский этнос складывался на основе различных компонентов, в том числе, и тюркских - существует немало примеров кровного родства между татарами и украинцами "...ще з часів княжої доби та казаччини" (80, с. 103). А.Е.Крымский приводил также данные об антропологической схожести представителей двух народов (80, с. 103).

Однако необходимо подчеркнуть и тот факт, что исторические концепции 20-30-х гг. несли на себе отпечаток политической ангажированности – объяснение тех или иных событий в истории ханства с точки зрения товарного капитала и акцент на факте мирного сосуществования различных национально-религиозных конфессий наглядно это демонстрирует. На наш взгляд, объективной оценке исторических событий также вредит излишняя эмоциональность, допускавшаяся авторами в описании истории Крымского ханства. Это, прежде всего, касается работ А.Е.Крымского, А.В.Мачанова, А.Озенбашлы, Д.С.Шнейдера и др.

Развитию крымско-литовских отношений посвятил свою работу Ф.Е.Петрунь, который на основании анализа ярлыков Хаджи-Гирея, рассматривает претензии литовских правителей на ряд территорий Крымского ханства (32, с. 170-185). Историк делает вывод о том, что район украинского пограничья в XIV-XV вв. был (в большей своей части) в составе татарских улусов, которые переформировались в ряде случаев в литовские феодалы (32, с. 185). Вхождение Восточного Крыма в состав территорий Золотой Орды, а затем и заключение политического альянса между Джучидами и Египтом во второй половине XIII в. привели к тому, что на территорию полуострова осуществлялся активный приток мусульманского населения из стран Малой Азии. Египетский султан Рукн-ад Дин Бейбарс (1260-1277) выступил с условием исламизации Золотой Орды, которая вскоре и была осуществлена (81, с. 116). При этом необходимо заметить, что по причинам политического и экономического характера население Крыма и прилегающих к нему районов подверглось исламизации значительно раньше, чем это произошло в других городах Золотой Орды - первые мечети на полуострове появляются уже в 60-е гг. XIII в. (81, с. 116). Кроме того, значительное число турок-огузов появляется в Таврике еще в 40-х гг. XIII в. (82, с. 151), что также способствует проникновению идей мусульманства в среду местного населения.

Одним из доказательств массовой миграции мусульман из Малой Азии в Крым И.Н.Бороздин считал обнаруженные в ходе археологических работ надгробия выходцев из Сирии, Персии, Северной Африки, датируемые последней четвертью XIII - началом XIV вв. (25, с. 24-26). Рассматривая надгробия шейха Хаджа Яхья Мохаммеда из Ирака и шейха Якуба из Кони, ученый заметил, что их "орнаментальные украшения увязываются с некоторыми сельджукскими мотивами, ...отдельные же ... уводят даже на Дальний Восток, в Китай" (25, с. 23; 9, с. 16). Сравнение памятников Крыма и Кони позволяет сделать вывод о том, что между ними отсутствует прямая преемственность, а "...крымские отражают

черты достаточно оригинального и установившегося стиля" (81, с. 127). Таким образом, наиболее верная оценка сельджукскому влиянию дана в работах А.С.Башкирова и И.Н.Бороздина, которые одними из первых попытались на основе гибкого и дифференцированного подхода приблизиться к решению данной проблемы - правда, значение местных или византийских традиций при этом переоценивалось (81, с. 124). В работах Б.Н.Засыпкина отмечалось, что при строительстве татарами городов, дворцов, мечетей, школ и пр. им пришлось брать мастеров из армян, византийцев, сельджуков, поэтому в архитектурных памятниках Крыма присутствуют многие элементы, привнесенные представителями разных школ. Особенное влияние, по мнению Б.Н.Засыпкина, на технические и декоративные приемы строительства оказали армянские традиции (27, с. 115). Здесь необходимо сделать небольшое уточнение - несмотря на то, что Б.Н.Засыпкин, И.Н.Бороздин и П.И.Голландский верно отмечали присутствие в архитектурных сооружениях малоазиатского влияния, ими было высказано ошибочное предположение о непосредственном участии в строительстве крымских памятников сельджукских и конийских мастеров (81, с. 125).

М.Гинзбург писал, что "татары времен ханов переживали столь пышный расцвет и подъем своей национальной жизни, что сумели все эти влияния изнутри и извне сплотить в один конгломерат стиля", а одним из основных свойств татарского искусства автор считал чрезвычайный эклектизм, смесь самых разнообразных стилей (11, с. 210).

Проблема межнациональных и межконфессиональных отношений в Крымском ханстве также получила неоднозначную оценку, которая менялась в соответствии с теми или иными тенденциями в исторической науке разных лет.

Необходимо отметить, что до начала распространения магометанства и в первые годы после объявления ислама государственной религией ханом Узбеком (1314-1340) христиане не терпели притеснений от татар (64, с. 448; 63, с. 217). Более того, какая-то часть татарского населения принимала христианство - в церковных документах Сугдофульльской епархии, относящихся к XII-XV вв., встречается большое количество имен священников, монахов и мирян татарского происхождения (64, с. 447-448; 83, с. 123-124; 46, с. 33-35). О веротерпимости пришлых кочевников может свидетельствовать и тот факт, что в Кафе в дотурецкий период существовало 15 греческих церквей, 28 армянских храмов, 2 синагоги (одна из них караимская), 70 мечетей, католические и православные церкви (84, с. 118; 64, с. 453).

Положение христианского духовенства в Крыму в дореволюционной историографии освещались в работах А.Л.Бертье-Делагарда, Ф.К.Хартахая, Ю.Кулаковского и Н.Ф.Каптерева. Общий тон данных трудов выражался в изображении авторами мрачной картины существования христианских епархий на полуострове, в упоминании многочисленных фактов, свидетельствовавших о крайне негативном отношении ханских властей к православным и католикам и о притеснении "райи" татарами. В литературе 1920-1930-х годов эта концепция претерпевает изменения. В работах советских историков часто повторяется мысль о том, что "...крымские христиане не терпели ... от татар каких-либо особых притеснений, ... занимая ... определенное место как бы отдельного подчиненного сословия" (37, с. 10; 77, с. 56). И.И.Пузанов отмечал, что татары проявляли в отношении "...покоренных туземных христиан ... терпимость", постепенно ассимилируясь с ними (85, с. 22). По мнению А.Е.Крымского, не татары, не принявшие ислам, могли жить совершенно спокойно и вероисповедание свое явно определять (4, с. 14-17).

Подобный взгляд на проблему, исключающий использование материала, накопленного в трудах дореволюционных авторов, и сводившийся к констатации факта "мирного" существования на полуострове нескольких религий, вообще характерен для науки тех

лет. Основной упор в исторической литературе был сделан на поиск классовых антагонизмов между "трудящимся населением" и феодальной верхушкой; религиозные же проблемы затрагивались вскользь и мимоходом. Изучение истории татарского народа с классовых позиций привело к тому, что многие проблемы остались вне поля зрения ученых.

Необходимо указать и на тот факт, что в работах историков довоенной поры практически не затрагивалась проблема отношения татарской части населения ханства к евреям, караимам и крымчакам. И если в периодике появлялись отдельные статьи, затрагивавшие вопросы этнического характера, то о случаях религиозной нетерпимости татар к иудеям не упоминается вовсе. Между тем, в дореволюционной историографии эта проблема поднималась неоднократно (86, с. 694, 696; 87, с. 377; 88, с. 342-343; 89).

Следует также заметить, что в послевоенные годы религиозно-национальный вопрос в отечественной литературе вновь был подвергнут пересмотру (в свете известных событий 1944 г.) - на сей раз перед наукой ставилась задача "решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар" (68, с. 212). Востоковеды 30-х годов обвинялись в "излишнем внимании изучению и любованию средневековой татарской культурой" (68, с. 212).

Среди других работ, посвященных изучению этнической истории Крымского полуострова и увидевших свет в 20-30-е гг. XX в., следует указать на статьи И.И.Соколова (90), А.Носова (29), Б.А.Куфтина (15; 16), А.Н.Бернштама (91), С.Яли (92). Проблемы этногенеза крымчаков, караимов и крымских цыган рассматривались в трудах Я.Б.Шамаша (93), Аваха (94) и В.И.Филоненко (95-99). Для многих из перечисленных работ характерна тенденция подчеркивания языковой общности между "малыми" народами Крыма и татарами: "Долгое совместное проживание караимов в одинаковых географических, историко-этнографических и бытовых условиях с татарами не могло не отразиться на творчестве каждой из национальностей без соответствующего ассимилирующего влияния" (100, с. 83). Такая направленность при изучении истории образования на территории полуострова различных этносов свидетельствует о "неизбежном реверансе в сторону "титულიной" национальности Крыма в 20-30-х гг. XX в." (101, с. 244).

Однако, несмотря на некоторые недостатки, присущие ряду работ по этнической истории Крыма, следует отметить тот позитивный факт, что в них не нашла отражения т.н. "яфетическая" теория Н.Я.Марра, влиянию которой были подвержены многие ученые-востоковеды в те годы. Взгляды Н.Я.Марра пропагандировали члены ВУНАВ, профессоры С.Дложевский и М.Грунский, а также А.Державин (102; 103, с. 147).

Острая полемика разгорелась между учеными по поводу количественного состава населения Крымского ханства. Определение точного числа затруднялось в связи с отсутствием официального исчисления подданных во время правления Гиреев. С.А.Усов и Б.П.Вологдин, применившие для своих подсчетов т.н. "косвенный метод Шмоллера", отмечали, что непосредственно в Крыму до 1783 г. проживало (включая городских и сельских жителей) 260-280 тыс. человек, причем сельское население исчислялось цифрой в 230 тыс. человек (42, с. 14; 30, с. 104-105). А.И.Маркевич убедительно опровергает А.Озенбашлы, считавшего, что Крымское ханство за 7 лет до присоединения его к России насчитывало 4 миллиона жителей (при этом последний ссылался на записки барона де Тотта и работу А.Татарчевского (34, с. 69-70; 120). "Население Крыма в ханское время могло равняться только немногим 100 тысяч, не более. О миллионе, тем более миллионах, не может быть и речи" (33, с. 377). Вообще, работа А.Озенбашлы отражает наиболее радикальные взгляды, существовавшие в науке 20-30-х гг. Это касается и причины миграции татар из Крыма, и той роли, которую сыграла русская власть в этом переселении. Характерной чертой подобных статей является избирательность цитируемого материала.

который был призван лишь подтверждать правоту автора в том или ином вопросе. В данном конкретном случае это касается численности населения Крыма – произвольное увеличение числа подданных хана более чем в 20 раз (34, с. 70, прим. 2), по-видимому, должно было ярче оттенить произвол царского правительства к татарскому народу. А.И.Маркевич полагал, что в Крыму проживало около 200 тыс. человек, а вместе с землями ногайских и буджакских татар в ханстве насчитывалось до 400 тыс. жителей (33, с. 379). Эту же точку зрения разделял и А.Е.Крымский, подтверждавший данные В.Ф.Зуева и И.Э.Тунманна (104, с. 105-106).

Наиболее близок к объективной оценке точного числа населения Крымского ханства оказался А.И.Маркевич: по современным подсчетам в Причерноморских степях и в самом Крыму проживало в середине XVIII в. 250-300 тыс. человек, а к концу столетия эта цифра сократилась почти в половину в связи с начавшейся эмиграцией татарского населения (63, с. 217).

Выработка единого мнения по поводу состава и количества эмигрировавших жителей также была затруднена в связи с противоречивыми данными источников. А.И.Маркевич на основании сопоставления архивных данных выводил общую цифру переселенцев: "в первую эмиграцию крымских татар в Турцию ушло около 100000 человек, а осталось тысяч семьдесят-восемьдесят" (33, с. 388). А.Е.Крымский подтверждал цифру, указанную А.И.Маркевичем, однако у исследователей наблюдается расхождение во мнениях относительно состава эмигрантов. А.И.Маркевич отмечал, что в первую эмиграцию больше всего стремились покинуть присоединенный край татары-степняки. Однако, их "за границу не выпускали". Эту мысль подтверждает и распоряжение Г.А.Потемкина, переданное барону О.А.Игельстрому в 1784 году: "...степных [ногайских татар - Д.П.] никого не пускать. Мурз - кто хочет" (34, с. 70). Южнобережные татары и татары, населявшие горный Крым, в Турцию не уходили (33, с. 380). В последующие годы полуостров оставляли "преимущественно и даже почти исключительно татары степной и предгорной частей Крыма" (105, с. 15). По мнению А.Е.Крымского, уезжали именно татары Южного берега и жители гор - "недавние непосредственные подданные турецкого султана" (104, с. 105). Свой взгляд на эту проблему имел и А.Е.Мачанов, который заметил, что орды ногайцев были вынуждены эмигрировать на Кавказ и, частично, в Турцию - в известной степени это было вызвано правительственными указами, в которых предлагалось переселить ногайских татар со всем имуществом на Урал (31, с. 63).

Высказывание же А.Озенбашлы о том, что в первую эмиграцию (в 1784-1800 гг.) Крым покинуло 350-500 тысяч человек (34, с. 70), представляется необоснованным при сравнении с данными, приведенными А.Е.Крымским, А.И.Маркевичем и Ф.Ф.Лашковым.

А.И.Маркевич делал следующий вывод относительно причин вышеописанных событий: "В тесной духовной связи Крыма с Турцией и отчужденности массы татарского населения Крыма от России надо видеть главную причину первой и последующей эмиграций крымских татар в Турцию; ...экономические причины не имели большого значения" (105, с. 15). Оценивая то влияние, какое оказал выезд мусульманской части населения полуострова на его историю, В.С.Шнейдер приводил высказывание В.В.Корсакова: "Еще и сейчас сохранились старые татарские песни, отражающие эту полосу русификации края и горькую долю татар в эти трудные годы... Опустошительный ветер экономического бедствия обрушился на районы жалких татарских и греческих деревень" (41, с. 42; 106, с. 5).

Неадекватную оценку получил у советских востоковедов факт присоединения Крыма к России. Как безусловно имперское завоевание факт аннексии полуострова представлен в работах С.В.Бахрушина (2, с. 337-338), Д.С.Шнейдера (41, с. 41-42), С.Лапицкой (107),

А.Е.Мачанова (31, с. 61-63), П.В.Никольского (76; 77). Несколько другой взгляд на данную проблему имели А.И.Маркевич и И.И.Пузанов: "...русская власть, утвердившись в Крыму, во многом подняла культуру края, ...богатые помещики ... ввели ряд новых культур, ...выписывали из-за границы виноградные лозы, разбивали сады и парки" (85, с. 22); новое правительство "...относилось к татарам благожелательно, ... и они пользовались такими льготами и привилегиями, каких не имели другие народы" (105, с. 15). А.И.Маркевич видел ошибку русских властей лишь "...в неудовлетворении духовных и культурно-национальных нужд татар" (105, с. 15) - к ним "...царское правительство такую же близорукую жестокость, как и по отношению к кавказским горцам" (85, с. 22). Историк также подчеркивал значительность той деятельности, которую развернуло областное правление после 1783 г. "в стране важной и запущенной" (108, с. 112). Часто автор указывает на случаи проявления благодарности и "удовольствия" со стороны татарского населения в адрес новых властей (108, с. 108, 109, 126, 123). С мнением А.И.Маркевича полемизировал В.Дубровский: "...самі матеріали, поза волі автора, свідчать за люту боротьбу поміж татарським населенням і російськими колонізаторами та про повільне зрощування татарським мурзачества з російським дворянством для експлуатації тубільної та й переселеної людності Криму" (109, с. 301). Компромиссная точка зрения, выработанная позднее, представляется более объективной – с одной стороны, аннексия привела к жестокому колониальному гнету, под который попала татарская часть населения; с другой - дальнейшее пребывание ханства под протекторатом Турции отразилось бы негативно на будущности Крыма. Однако данная проблема требует гораздо более внимательного изучения и привлечения всего комплекса собранных материалов по факту присоединения полуострова к Российской империи.

В конце 1920-х - начале 1930 г. ситуация в отечественной востоковедческой науке коренным образом изменилась. Еще продолжают свою деятельность многочисленные научные и краеведческие общества, проходят съезды востоковедов, в печати появляются различные работы, посвященные проблемам истории Крымского ханства. Выходят в свет уже упоминавшиеся ранее труды В.А.Вишневого, П.А.Никольского, У.Боданинского; в 1930 г. публикуется сборник историко-филологического отдела ВУАН "Студії з Криму"; статьи А.Е.Крымского (4; 5; 104), О.Акчокраклы (110; 119), К.Харламповича (111), А.Оглобина (112), Я.Кемалья (113) и А.И.Маркевича (108). Однако общее положение становилось все хуже. Против видных деятелей науки начинают фабриковаться дела, "изобличающие" их в антисоветской деятельности. Так, по доносам были арестованы и обвинены в шпионаже и меньшевизме: член Одесского филиала ВНАВ, профессор А.А.Сухов (умерший впоследствии в "Сиблаге" в 1944 г.), ученый секретарь этого же филиала Ф.Е.Петрунь (арестован в 1931 г.), профессор И.Л.Вайнштейн, историк-этнолог А.Б.Варнеке, Н.В.Горбань и многие другие (103, с. 144-149). Осенью 1929 г. секретарь историко-филологического отдела ВУАН С.Ефремов был арестован по доносу как глава несуществующего "Союза Освобождения Украины" (114, с. 23); глава этого же отдела, академик А.Е.Крымский вынужден был оставить свою должность (114, с. 23). Жертвами акадেমической волны репрессий стали и многие другие известные ученые: академик Н.Слабченко, историк-архивист А.А.Рябинин-Скляревский, академик Н.Василенко (103, с. 148; 114, с. 23), У.Боданинский, О.Акчокраклы, Я.Кемаль, поэт А.Лятиф-заде, председатель ТОИАЭ Н.Л.Эрнст (арестован в 1938 г.). Наряду с уничтожением востоковедов шла и ликвидация плодов их научной деятельности - из библиотек изымались книги и журналы, публиковавшие статьи неудобных властям авторов, подвергались "чистке" и роспуску многочисленные научные общества. Так, уже 21 мая 1931 г. на заседании правления ВНАВ заместитель его главы, академик А.Гладстерн сообщил о реформе в востоковедческой науке и об образовании общества востоковедов-марксистов. "Наявність

марксистських сил, що згуртувались протягом останніх 4-х років, з одного боку, та потреба рішучої боротьби за марксистські шляхи в галузі східознавства без примиренства та поступок немарксистським течіям, з другого боку, ставлять у порядок денний питання про заснування Українського Товариства марксистів-східознавців замість існуючої Асоціації", - заявив он (103, с. 147). Помимо ліквідації ВНАВ, були закриті: историко-филологический отдел ВУАН, кабинет арабо-иранской филологии, Тюркологическая и Еврейская историко-археографическая комиссии; прекратили свое существование Общество по изучению Крыма и Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии; были закрыты и печатные органы этих организаций (103, с. 147-149; 114, с. 19-26; 115, с. 248-252; 116, с. 158-160).

Многие ученые, избежавшие физического уничтожения или заключения в лагерях, тем не менее, попали в разряд "опальных". Вспоминая те трагические годы, жена репрессированного академика Н.Василенко Наталья Полонская-Василенко, писала: "Залишилось кілька академіків (у 1930-х рр.), що їх уряд оголошував "незмінними", але що їх безупинно "проробляли в газетах, часописах, промовах", як "буржуазних вчених", "ворогів народу, що чекали дня на день арешту, або заслання" (114, с. 24). В их число попали: академик А.Е.Крымский (который лишь в период с 1939 по 1941 гг., в связи с присоединением Западной Украины к Советскому Союзу, смог открыто вести научную и преподавательскую деятельность, а затем, в июле 1941 г. был арестован по т.н. "делу СОУ" и выслан в Казахстан, где и умер в 1942 г.), Ф.Е.Петрунь (ему удалось лишь впоследствии получить место преподавателя на географическом факультете Одесского университета), языковед Одесского филиала ВНАВ А.И.Томсон и многие другие (103, с. 144, 145; 114, с. 24-26).

Большое количество научных работ, подготовленных востоковедами, осело в архивах или было просто уничтожено (участь последних постигла и уже напечатанную в 1931 г. монографию заведующего Восточным музеем в г.Ялте, историка-исламиста Я.Кемаля "Документальная история цехов в Крымском ханстве") (114, с. 19). Целый ряд трудов А.Е.Крымского, хранившихся долгие годы в его личном архиве, был лишь впоследствии опубликован АН СССР и АН Азербайджанской ССР (114, с. 24). Те статьи и монографии, которые все же увидели свет, подвергались разгромной критике (109, с. 299-300). Начавшуюся травлю в науке А.Е.Крымский охарактеризовал как "свистопляску": "...люди не працюють, а займаються тільки пошуками "ідеології" в чужих роботах" (117, с. 38). Ученый надеялся, что вскоре "...керівники радянської наукової думки ... втомляться від тієї схоластики, яка підноситься під виглядом "ідеології" науки, а насправді нагадує середньовічну "науку" про винайдення думок", - писал он 30 октября 1935 г. своему другу, известному арабисту И.Ю.Крачковскому (117, с. 38). Однако надеждам ученых суждено было сбыться весьма и весьма нескоро. "Золотая эпоха" советского востоковедения, длившаяся всего чуть более десяти лет (с 1918 по 1929 гг.), вместившая в себя огромное количество научных открытий, охарактеризовавшаяся плодотворной работой научных и краеведческих обществ, публикацией большого числа трудов по истории, этнографии, культуре стран Востока, завершилась.

Теперь, на основании вышеизложенного материала, можно сделать некоторые выводы относительно изучения в 1920-1930-х гг. истории Крымского ханства.

Работы, выходявшие в указанный период, отразили на себе влияние различных течений в исторической науке того времени. В эти годы происходил процесс становления советского востоковедения, выработка его теоретических концепций. Многие исследователи объясняли события, происходившие в экономической и политической истории Крыма, возраставшей активностью торгового капитала и его проникновением на

территорию полуострова. В соответствии с историческими воззрениями тех лет, одной из основных черт, присущих рассмотренным трудам, является ярко выраженный социально-классовый подход к изучению проблем истории Крымского ханства. Увязывание исторических событий, происходивших в Крыму в XIII-XVIII вв., с процессом генезиса феодализма и трансформации его в капитализм - одна из характерных особенностей отечественной науки довоенного периода. Многие выводы, сделанные на страницах упомянутых изданий, выглядят далеко не бесспорными. Прежде всего, это касается вопроса возникновения феодальной зависимости в среде татарского общества; взаимоотношений христиан и мусульманской части населения; объяснения военной активности ханства. Ряд критических замечаний заслуживают высказывания некоторых авторов относительно причин перехода татар к оседлости, а также о том влиянии, которое на этот процесс оказало местное население.

Вопросам, связанным с изучением этнической истории народов Крыма, также было отведено особое место в работах отечественных востоковедов. Однако считать исследования на эту тему исчерпывающими не представляется возможным. Статьи Б.А.Куфтина, А.Носова, Д.Спиридонова, В.И.Филоненко, А.Е.Крымского позволяли надеяться на дальнейшее продолжение разработки проблемы, однако события конца 20-х - начала 30-х гг. XX в. перечеркнули многолетние труды этих авторов.

Обширное поле для научной деятельности, представленное науке самим Крымом в виде археологических, этнографических и архитектурных памятников, позволяло воссоздать достоверную картину прошлого полуострова. В связи с этим необходимо подчеркнуть большую значимость археологических и этнографических экспедиций, проводившихся в середине 1920-х гг. в самом Крыму и прилегающих к нему районах. Материалы, собранные во время раскопок, которыми руководили А.С.Башкиров, И.Н.Бороздин, О.Акчокраклы, позволили пролить свет на историю возникновения городов в Крымском ханстве, а также проследить их культурно-экономические связи с регионами Малой Азии, Ближнего Востока и Европы. Результаты этих раскопок легли в основу исследований, которые велись на территории Юго-Восточного Крыма в последующие годы.

Уделялось внимание и внешнеполитическим контактам Крымского ханства с Россией, Украиной и Турцией, хотя встречающиеся на страницах работ некоторых ученых суждения по данной проблеме являются половинчатыми и, в ряде случаев, ошибочны. К сожалению, крайне жато и поверхностно изложена история взаимоотношений между ханством и польско-литовским государством. Крымско-шведские отношения также остались вне поля зрения востоковедов; более детального изучения заслуживала и внешняя политика ханства, касавшаяся контактов с Казанью и борьбы за власть между претендентами на казанский и крымский ханские престолы.

Уникальность этнографических очерков У.Боданинского, В.И.Филоненко, И.Ю.Крачковского и П.В.Никольского состоит в том, что на страницах этих работ запечатлена ныне исчезнувшая картина жизненного уклада крымско-татарского народа начала XX в., бытовые и культурные традиции населения крымских городов и сел того времени. Работы вышеупомянутых авторов - ценнейший источник для современного исследователя.

Нельзя также обойти вниманием и ту обширную научно-просветительскую деятельность, которую развили многочисленные краеведческие и научные общества. Историографический материал, накопленный в 1920-1930-х гг., а также монографии и статьи, увидевшие свет в послевоенные годы, требуют дальнейшего всестороннего рассмотрения и анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крымская АССР (1921-1945). Вопросы и ответы / Под ред. Ю. И. Горбунова. Симферополь, 1990.
2. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
3. Вишневский В.А. Феодализм в Крымском ханстве. М., 1930.
4. Кримський А.Ю. Сторінки з історії П Криму // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
5. Кримський А.Ю. Література кримських татар // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
6. Горбань М.В. Архів Коша Запорізької Січі, як джерело до історії татарсько-турецько-українських взаємин // Східний світ. 1993. №2.
7. Пархоменко В. До питання про татарсько-казацькі взаємини XVI-XVII ст. // Східний світ. 1929. №1-2 (7-8).
8. Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия АН СССР. VII серия. М., 1932. №2.
9. Бороздин И.Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым. 1924. №2.
10. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татарской культуры в Крыму. Симферополь, 1930.
11. Гинзбург М.Я. Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит. Казань, 1992.
12. Гинзбург М.Я. Омер - придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Среди коллекционеров. 1921. №8-12.
13. Козин С.А. Тамги у крымских татар // Этнограф-исследователь. 1921. №1.
14. Крачковский И.Ю. Отчет о командировке в Крым летом 1924 г. Л., 1924.
15. Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историческим заселением полуострова // Мемуары этнографического отделения ОЛЕАЭ. 1925. Вып. 1.
16. Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // Крым. 1925. №1.
17. Балабан, Молочек. Строение тела татар Крыма // Русский антропологический журнал. 1926. Т.14.
18. Терebinская-Шенгер Н. Крымские татары // Русский антропологический журнал. 1928. Т.17. Вып. 1-2.
19. Маркевич А.И. Отчет о работе Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии за 1920-1926 гг. // ИТОИАЭ. 1928. №2(59).
20. Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. №2.
21. Башкиров А.С. Художественные памятники древнего Солхата // Крым. 1927. №1(3).
22. Башкиров А.С., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. №8-9.
23. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского Педагогического института. Симферополь, 1927. Кн. 1.
24. Акчокраклы О. Наукова дослідча робота по історії матеріальної культури у Криму за 1928 р. Нотатки // Східний Світ. 1928. №1-2 (7-8).
25. Бороздин И.Н. Из Отузской старины // ИТОИАЭ. 1927. №1(58).
26. Бороздин И.Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму // Новый Восток. 1926. №12.
27. Засыпкин Б.А. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1928. №2(4).
28. Крачковская В. Татарское искусство и быт в Крыму // Новый Восток. 1925. №5.
29. Носов А. Кримські татари (антропологічні нариси) // Східний Світ. 1930. №10-11.
30. Вологдин Б.П. К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими // Крым. 1927. №1(3).
31. Мачанов А.Е. Борьба царской России за обладание Крымским ханством. Крымгосиздат, 1929.
32. Петрунь Ф.Е. Ханські ярлики на українській землі (до питання про татарську Україну) // Східний Світ. 1928. №2.
33. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Серия VIII. М., 1928. Ч.1. №4-7.
34. Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Забвению не подлежит. Казань, 1992.

35. Газиз Г. История татар. М., 1994.
36. Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
37. Никольский П.В. Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1927.
38. Никольский П.В. Крым. Население. Симферополь, 1929.
39. Никольский П.А. Крым от Крымского ханства до наших дней. Симферополь, 1929.
40. Гордлевский В. Организация цехов у крымских татар // Труды Этнографического-Археологического Музея I МГУ. 1928. Вып.IV.
41. Шнейдер Д.С. Балаклава. Крымгосиздат, 1930.
42. Усов С.А. Историко-экономический очерк Крыма. Симферополь, 1925.
43. Крым. Хрестоматия по истории края / Под ред. Маслова П.В., Миллера М.Е., Никольского П.В. Крымгосиздат, 1930. Ч.1.
44. Крым. Путеводитель. М., Л.: Изд-во Московского физио-терапевтического общества и РОПИК, 1925.
45. Крым. Путеводитель. Симферополь: Изд-во Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, 1930.
46. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
47. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII ст. Одесса, 1898.
48. Лашков Ф.Ф. Исторические очерки крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. №22.
49. Лашков Ф.Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.
50. Лашков Ф.Ф. О законодательстве и судопроизводстве в Крымском ханстве // Вторая учебная экскурсия Симферопольской гимназии. Симферополь, 1888.
51. Лашков Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан. Киев, 1886.
52. Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса, 1888.
53. Секиринский С.А., Секиринский Д.С. Аграрный строй крымских татар в XVI-XVIII вв. // МАИЭТ. 1991. Вып.II.
54. Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // ИТУАК. 1913. №50.
55. Колли Л.П. Падение Кафы // ИТУАК. 1913. №50.
56. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.
57. Герцен А.Г. К статье С.В.Бахрушина // МАИЭТ. 1993. Вып.III.
58. Крымський А.Ю. Історія Туреччини. Київ, Львів, 1996.
59. Крымський А.Ю. Мусульманство та його будучність. Львів, 1904.
60. Крымський А.Ю. Тюрки, їх мови та літератури // Тюркські мови. Київ, 1930. Вип.2.
61. Прицак О. Агатагел Крымський та його "Історія Туреччини". Вступ до кн.: Крымський А.Ю. Історія Туреччини. Київ, Львів, 1996.
62. Бушаков В. Етнонім *татар* у часі і просторі // Україна в минулому. Київ, Львів, 1996. Вип.8.
63. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып.III.
64. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковно-общинный вестник. 1910. №10.
65. Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории. Симферополь, 1928.
66. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского пединститута. Симферополь, 1927. Кн.1.
67. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. №57.
68. Сведения о доходах и таможенных сборах, поступивших при Шагин-Гирее, е.п. барону Игельstromу 27 октября 1783 г. представленные // ЦГААРК. Ф.802. Оп.1. Д.3.
69. Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987.
70. Санин Г.А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // МАИЭТ. 1993. Вып.III.
71. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки МГУ. 1940. Вып.61.
72. Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974.
73. Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковно-общинный вестник. 1910. №11.
74. Галенко О. Крым у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) // Україна в минулому. 1996.

Вип.8.

75. Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997.
76. Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь, 1924.
77. Никольский П.В. Завоевание Крыма дворянской Россией // Крым. Хрестоматия по истории края. Крымгосиздат, 1930. Ч.1.
78. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Киев, 1903. Ч.2.
79. Горбань М. Аргати й ренджипери 1753 року (про наймитів з України, що працювали в Криму) / Східний Світ. 1928. №3-4.
80. Галенко О. Про етнічну спорідненість українців та кримських татар раніше і тепер // Кримські татари: історія і сучасність (матеріали міжнародної наукової конференції). Київ, 1995.
81. Сидоренко В.А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
82. Сидоренко В.А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. 1993. Вып.ІІІ.
83. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
84. Эмиддио Дортелли д'Асколли. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.) // ЗООИД. 1902. Т.24. Материалы.
85. Пузанов И.И. Предисловие // Крым. Путеводитель. Симферополь: Изд-во Крымского общ-ва естествоиспытателей и любителей природы, 1930.
86. Лехно Давид. Девар-Сефасаим // ЗООИД. 1848. Т.2.
87. Донесение российского резидента при Крымском хане А.Никифорова о низложении Крым-Гирея. 7 октября 1764 г. // ЗООИД. 1847. Т.1.
88. Гаркави А.Я. Радостный пост Эсфири в Карасубазаре в 1697 году // Русский еврей. 1881. №9.
89. Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет публичной библиотеки за 1882 г. Отд.5.
90. Соколов И.И. Мариупольские греки // Труды Института Славяноведения АН СССР. Л., 1932. Т.1.
91. Бернштам А.Н. Жилище крымского предгорья // ИГАИМК. 1931. Т.ІХ. Вып.6-7.
92. Ялі С. Греки в УРСР. Харків, 1934.
93. Шамаш Я.Б. Разговорный язык крымских караимов и новый тюркско-татарский алфавит // Бызым йол. Симферополь, 1927. №1.
94. Авах. Караимско-татарские народные песни // Бызым йол. Симферополь, 1927. №1.
95. Филоненко В.И. Загадки крымских татар. Симферополь, 1927.
96. Филоненко В.И. Аталар Созы - караимские пословицы и поговорки // ИТОИАЭ. 1927. №1(58).
97. Филоненко В.И. Песни крымских татар // ИТОИАЭ. 1927. №1(58).
98. Филоненко В.И. Материалы по изучению караимско-татарской народной поэзии. Симферополь, 1930.
99. Филоненко В.И. Крымские цыгане // Заметки коллегии востоковедов АН СССР. Л., 1930. Т.5.
100. Синани М.С. О караимско-татарском народном творчестве // Бызым йол. Симферополь, 1927. №1.
101. Белый О.Б. Караимская национальная периодика в первой половине XX в. (из истории изучения восточноевропейских караимов) // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
102. Дложевський С. Територія Південної України щодо її зв'язку зі стародавнім Малоазійським культурним комплексом. Ольбія та Мілет (конспект доповіді) // Східний Світ. 1928. №2.
103. Урсу Д.П. З історії сходознавства на півдні України // Східний Світ. 1994. №1-2.
104. Кримський А.Ю. До історії теперішніх 25% татарської людності в Криму // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
105. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1929. Ч.2. №1.
106. Корсаков В.В. По поводу 100-летнего юбилея присоединения Крыма. Симферополь, 1883.
107. Лапицкая С. Завоевание и колонизация Крыма царизмом // Исторический журнал. 1937. №7.
108. Маркевич А.И. З культурної минушчини Криму // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
109. Дубровський В. Рецензія на кн.: Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. №8-9. Київ, 1930 // Східний Світ. 1930. №4-5.

Матеріали по археології, історії і етнографії Таврії. Вып. VII

110. Акчокраклы О. Антологія з кримсько-татарських поетів // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
111. Харлампович К. Листування запорізьких казаків з султаном // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
112. Отлоблін О. Петрик - ханський гетман України // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
113. Кемаль Я. Арабський суфійський рукопис XVII ст., в Криму знайдений і чи не в Криму писаний... // Студії з Криму. Збірник історико-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1930. №8-9.
114. Прицак О. Про Агатангела Кримського (У 120-і роковини народження) // Східний Світ. 1993. №1.
115. Филимонов С.Б., Храпунов И.Н. Николай Львович Эрнст - исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. 1996. Вып.V.
116. Циганкова Е. Гебраїстична комісія ВУАН // Східний Світ. 1994. №1-2.
117. Смілянська І. З епістолярної спадщини академіка А.Ю.Кримського (листування з академіком Г.Ю.Крачковським) // Східний Світ. 1993. №1.
118. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948.
119. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. 1928. Т.2(58).
120. Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 г. Киев, 1883.

PROKHOROV D. A.

ON SOME PROBLEMS OF STUDYING HISTORY OF THE CRIMEAN KHANATE IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY (1920 –1930)

Summary

This article is devoted to the problem of studying the history of the Crimean Khanate in the Soviet historiography of the pre-war period (1920 –1930). These were the years when the process of the formation of the Soviet Oriental studies took place, developing its theoretical concepts. Numerous scientific and lore societies undertook the study of the history of the Crimean Tatars as one of the aspects of their activity. The result of it was publishing a great number of scientific and popular scientific works. According to historic views of that period, one of the characteristic features of those works was a distinct social-class approach to the study of the history of the Crimean Khanate. Critical remarks should be made, concerning the reasons to the transition to settling and the foreign activity of the Khanate. Conclusions, that the historians arrived at, concerning the interrelationship between Christians and Moslems and ethnic processes taking place on the peninsula, cannot be called indisputable. Work of the Soviet orientalists gave some hope that developing this problem would be carried out. However, the devastation of Soviet study of Oriental studies in 1930s destroyed long-term works of these authors.